

Е.М. Чекалина
Москва. МГУ имени М.В. Ломоносова

**ГРАММАТИКА ШВЕДСКОГО ГЛАГОЛА
И ПОЭТИКА ТУМАСА ТРАНСТРЕМЕРА
(СЕМАНТИКА И СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПРИЧАСТИЯ 1)**

В статье рассматриваются особенности семантики и употребления причастия 1в написанных верлибром стихотворениях выдающегося шведского поэта современности Тумаса Транстремера (1931–2015). Высокая частотность этой формы обусловлена звучностью морфологического показателя с консонантным сочетанием звонких дентальных *nd*, используемого при аллитерации. Анализ употребления в различных типах лексико-синтаксического контекста показывает, что двойственная глагольно-именная природа неизменяемого причастия 1 способствует созданию метафорической образности. Чем более свободной является синтаксическая функция причастий, тем ярче проявляется их грамматическая неоднозначность и поэтический потенциал.

Ключевые слова: поэтическая грамматика, шведский язык, семантика и синтаксис причастия 1.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Должна признаться, что впервые публикую статью в задуманном и созданном Ольгой Александровной Смирницкой альманахе по исторической поэтике. Так сложилось, что я больше всего писала и по-прежнему пишу о современных скандинавских языках. Мои занятия грамматикой шведского глагола, зафиксированные как данность в первой части названия этой статьи – в его «теме», начались на третьем курсе, когда Ольга Александровна, которая вела в нашей группе занятия по истории шведского языка, объявила спецкурс об аналитических формах. Вторая, «рематическая» часть названия действительно отражает новое: предмет и выбор материала связаны с выполненной под моим руководством выпускной работой студентки шведской группы из второго выпуска магистратуры по новой для нашей кафедры программе «Скандинавские языки и проблемы перевода» [Грацианова 2018]. В работе рассматривались русские переводы написанных верлибром стихов лауреата Нобелевской премии 2011 года Тумаса Тран-

стремера (1931–2015), которого переводивший его Иосиф Бродский считал одним из величайших поэтов современности.

В предлагаемой статье на материале современного скандинавского языка и стиха рассматриваются некоторые «функциональные особенности поэтической грамматики» [Смирницкая 1994: 275]; специфика анализируемых поэтических текстов и скромный опыт автора статьи изначально предполагают, однако, что это небольшое исследование проводится в ином ключе. В статье использованы стихотворения Тумаса Транстремера, включенные в двуязычное издание его избранных произведений в переводе Александры Афиногеновой и Алексея Прокопьева [Транстремер 2002]¹. При анализе языкового материала в основном дается близкий к оригиналу перевод, иногда уточняемый буквальным. В отдельных случаях приводятся опубликованные в этом издании переводы с указанием русского названия стихотворения.

Грамматика глагола в поэтических текстах Транстремера проявляется в обильном использовании форм на -s с инактивно-пассивной семантикой и причастий. Особенно частотно причастие 1, что объясняется звучностью его морфологического показателя с консонантным сочетанием звонких дентальных *nd*:

*Svagare än suset i en snäcka / hördes ljud och röster ifrån staden /
kretsande i detta öde rum, / sorlande och sökande en makt (Palatset)*

‘Тише, чем в морской ракушке море, / городские звуки ручейком /
лепетали в комнате пустой, / снова обрести надеясь власть’ (Дворец ,
пер. А. Прокопьева).

О.А. Смирницкая определяла видо-временную семантику германского первого причастия как значение неактуальной дуративности, для которого характерны постоянство и качественная однородность имеющего неограниченную длительность процесса-состояния [Смирницкая 1977: 21–22]. В шведском причастии 1 выделенные ею на древнегерманском материале особенности проявляются в полной мере. Как отмечают авторы Шведской Академической грамматики (далее в тексте и при цитировании SAG), оно обозначает стабильное состояние (*ett stabilt tillstånd*) и часто образуется поэтому от непереходных глаголов [SAG 2: 610]. В зависимости от контекста и функции в высказывании, глагольные и именные свойства проявляются в его семантике и синтаксической дистрибуции в различной степени² [SAG 2: 584].

¹ Транстремера переводили также Илья Кутик и Юрий Гурман.

² Skillnaden mellan verbal och adjektivisk betydelse är ofta en gradskillnad [SAG 2: 584] – «Различие между вербальным и адъективным значением часто проявляется в различной степени».

У причастий в целом выделяются те же синтаксические функции, что и у прилагательных [SAG 2: 173; 3: 618]; для их обозначения в статье используется, однако, более традиционная, чем в SAG, и более близкая отечественной школе терминология, предложенная в [Thorell 1973: 150]:

препозитивное определение (в том числе распространенное) к именному слову (*framföreställt attribut* Thorell; *adjektivattribut* SAG);

предикатив в составном сказуемом с глаголом-связкой (*subjektiv predikatsfyllnad* Thorell; *bundet subjektpredikativ* SAG);

постпозитивное определение (главным образом, распространенное) к именному слову (*efterställt attribut* Thorell; *predikativt attribut* SAG);

предикативное определение (*predikativt attribut* Thorell; *fritt predikativ* SAG).

Выделяется также адвербиальная функция, при которой причастие не может иметь расширение (*adverbialt led* Thorell; *adverbial* SAG).

Адвербиализация при функциональном переходе в разряд наречий сопровождается лексикализацией и маркируется синтаксической позицией: *Resultatet är förbluffande bra* 'Результат поразительно хороший'; *Hon spelar strålande* 'Она играет блестяще' [Thorell 1973: 150]³.

Наиболее синтаксически связанной является функция предикатива в составном сказуемом с глаголом *vara* 'быть': причастие I не употребляется с второстепенными компонентами глагольного типа и более всего подвержено адъективации. Функция препозитивного определения синтаксически связана структурной рамкой именного словосочетания; однако причастие обладает некоторой синтаксической свободой с ограничением на обязательную препозицию распространяющих его компонентов. Наиболее свободными являются синтаксические функции, не ограничивающие расширение второстепенными компонентами глагольного типа – постпозитивное определение, предикативное определение, объектно-предикативный член, а также некоторые причастные обороты, не рассматриваемые в статье. В синтаксических функциях, эксплицирующих его глагольную природу, причастие I, может, подобно финитным формам и инфинитиву, употребляться с поствербом. В функции препозитивного определения

³ Как отмечают авторы шведских грамматик, в ряде случаев сложно разграничить адвербиальное употребление и функцию предикативного определения: *Hon såg bedjande på honom* 'Она смотрела на него умоляюще' [Thorell 1973: 150].

и предикатива это невозможно, и постверб заменяется материально тождественным префиксом.

Поскольку причастие 1 неизменяемо, его синтаксические функции в целом не всегда четко разграничены и определяются главным образом на основе синтаксических параметров при поддержке лексического контекста. К ним относятся особенности расположения относительно определяемого компонента в структуре словосочетания и/или предложения – контактная/дистантная пре-/постпозиция, а также лексическое значение и синтаксические функции распространяющих причастие компонентов и степень их обусловленности валентностью исходной глагольной лексемы. В поэтических текстах Транстремера важную роль играют особенности постановки знаков препинания, выделяющих метрико-ритмические паузы и их глубинный смысл.

Функция препозитивного определения четко определяется оформлением структурной рамки именного словосочетания, образуемой артиклями и другими показателями определенности/неопределенности; причастие помещается перед определяемым словом, а все другие относящиеся к нему компоненты находятся в препозиции. Синтаксическая валентность исходного глагола обычно нейтрализуется даже при сохранении семантической валентности. Поэтому, несмотря на то, что в этой функции часто происходит адъективация, при выражении внешних условий и внутреннего характера протекания действия в семантике причастия реализуется процессуальность:

den sakta sjunkande solen (Fogelström)⁴ ‘медленно опускающееся солнце’; *snabbt körande bilar* ‘быстро движущиеся автомобили’; *ett djupare liggande drömliv* (Aspenström) ‘глубже лежащая жизнь в снах’. Особенно ярко это проявляется при существительных с семантикой лица, расширяющих синтаксический потенциал глагольного типа: *den snärjande och hela tiden i golvet stirrande åklagaren* (Högberg) ‘запутывающий и все время уставившийся в пол обвинитель’.

Адъективация часто наблюдается при метафорическом употреблении, главным образом, с неодушевленными существительными [Чекалина 1993: 383]; многие причастия адъективируются только при переносном употреблении [SAG 2: 584]. Это особенно заметно в сочетаниях с интенсификацией, выражающими степень проявления стабильного признака:

en mycket lovande arbetshypotes ‘очень обещающая рабочая гипотеза’; *mera trängande behov* ‘более настоятельные потребности’ (Delblanc);

⁴ Здесь и далее примеры с указанием шведского автора в скобках приводятся по [Чекалина 1993: 380–381].

de mest skiftande omdömen ‘наиболее различающиеся мнения’ (Moberg); *litet haltande gång* ‘немного прихрамывающая походка’ (Lagerkvist);

ett i hög grad kränkande förslag ‘чрезвычайно (букв. ‘в большой степени’) оскорбительное предложение’ [SAG 3: 627].

В предисловии к двуязычному изданию Алексей Прокопьев писал, что «... не Транстремер владеет метафорой, а она им» [Транстремер 2002: 7]. В стихах Транстремера, насквозь пронизанных метафорой, употребление причастий 1 чаще всего встречается в функции препозитивного определения и почти всегда носит неоднозначно-метафорический характер, создаваемый игрой лексико-семантических вариантов исходного глагола. Они входят в именные словосочетания различной структуры, обусловленной грамматической семантикой определяемого слова, и используются для выражения синтеза звуко- и цветоизобразительности фонетическими и лексическими средствами:

С определенным и неопределенным артиклем при существительных общего и среднего рода в единственном числе:

den gassande solen (Flygblad) ‘палящее солнце’; *det bländande ljuset* (Andrum juli) ‘слепающий свет’;

en glödande sol (Landskap med solar) ‘пылающее солнце’; *en speglande sjö* (I det fria) ‘отражающее зеркало озера’; *ett hjälpkorn* (Ensamhet) ‘помогающая песчинка’; *ett sovande hus* (Från berget) ‘спящий дом’;

с существительным во множественном числе без артикля или с определенным артиклем:

drömmande ögon (Skepparhistoria) ‘мечтательные глаза’; *förbi-passerande leenden* ‘проходящие мимо улыбки’; *några stapplande steg .. i luften över taken* (När vi återsåg öarna) ‘несколько нетвердых (букв. ‘спотыкающихся’) шагов <...> в воздухе над крышами’; *de klättrande brandstegarna* (Schubertiana) ‘карабкающиеся лестничные ступени’;

с неисчисляемыми вещественными и абстрактными существительными:

yrande snö (C-dur) ‘вьюгой кружащий /бредящий снег’; *sjudande ljus* (Siesta) ‘кипящий свет’; *trött indignation, glödande resignation* (Postludium) ‘усталое негодование, пылающее смирение’ (пер. А. Афиногеновой);

ср. также переносное употребление с исчисляемыми и неисчисляемыми существительными:

en välgörande stöt ‘благотворный/благодатный толчок’ – *en punkt av välgörande svart* (Espresso) – ‘точка/пункт/момент благотворного/

благодатного черного'; *de mötande bilarna* 'встречные автомобили' – *mötande trafik* 'встречное движение' (*Ensamhet*);

с притяжательным местоимением:

mitt snurrande psyke (*Berceuse*) 'моя идущая кругом душа'.

В препозитивно-атрибутивном употреблении особенно ярко представлена аллитерация:

den kvävande virveln (*Preludium*) 'удушливый вихрь'; *den lysande stranden hypnotiserar den mörka* (*Två städer*) 'светящийся берег гипнотизирует темный' (Два города, пер. А. Афиногеновой);

ett rinnande svärd (*Tre strofer*) 'люющийся меч' (Три строфы, пер. А. Афиногеновой); *ett fladdrande hörn av sanningen själv* (*Gator i Shanghai*) 'трепещущий клочок самой истины' (Улицы в Шанхае, пер. А. Прокопьева); *det rasande eldhavet ute i rymden* (*Ljuset strömmar in*) 'бешеное море огня там, в пространстве' (Свет вливается, пер. А. Афиногеновой);

glittrande fjärdarna (*Andrum juli*) 'сверкающие фьорды'; *klirrande tamburiner av is* (*Midvinter*) 'звнящие тамбурины льда'; *tindrande ögon gick över isarna* (*Nattlig resa*) 'мерцающие глаза шли через льды'.

Для причастий I в функции препозитивного определения в целом и для их дистрибуции в поэтических текстах Транстремера особенно характерно параллельное употребление прилагательных:

en lång, blek, skimrande kometsvans (*Efter någons död*) 'длинный, бледный, мерцающий хвост кометы'; *en lång flimrande driva* (*Schubertiana*) 'длинный мелькающий в глазах сугроб'; *de råa klingande tonerna som slipar / natthimlens ljusa lie* (*Postludium*) 'сырые / грубые звнящие звуки, которые точат / светлую косу ночного неба'; *otydliga fladdrande ansikten / som hör till kommande släkten* (*Inomhuset är oändligt*) 'неясные мелькающие лица, / которые принадлежат грядущим поколениям'; *gapande röda blomkalkar* (*Vermeer*) 'зияющие красные чашечки цветов'; *de glittrande mörka vattnen* (*Två städer*) 'сверкающие черные воды'.

Широко употребляются и словосочетания с формой генитива, характерные для синтаксической дистрибуции причастия I в этой функции [Чекалина 1985: 56–57]:

mörkrets ljudlöst störtande lavin (*Epilog*) 'беззвучно свергающаяся лавина мрака'; *sommarens bländande krater* (*Preludium*) 'слепающий кратер лета'; *solens strömmande vita fors* (*Siesta*) 'люющийся белый поток солнца'⁵; *Atlantens krypande silver* (*Air mail*) 'ползущее серебро Атлантики' (пер. А. Прокопьева); *mygglarvarnas ursinnigt dansande frågetecken* (*Alkiskt*) 'неистово пляшущие вопросительные знаки личинок комаров'; *frimärkets flygande matta / adressens raglande bok-*

⁵ 'белая кипень стремнины-солнца' (пер. А. Прокопьева).

stäver (Air mail) ‘ковер-самолет почтовой марки / нетвердо стоящие на ногах буквы адреса’; *nuets evigt rinnande fläck / nuets evigt blödande punkt* (Från ön 1860) ‘вечно текущее пятно настоящего / вечно кровоточащий миг настоящего’ (С острова 1860, пер. А. Афиногеновой).

Интересна метафора в словосочетании с генитивом и наречием, которое по форме выступает показателем образа действия, а по смыслу является локативом: *de mäktiga trädrotsystemens underjordiskt svängande lampor* (Preludium) ‘подземно раскачивающиеся лампы мощных корневых систем’. Употребление адвербиального компонента приобретает в поэтическом тексте Транстремера характер лексико-грамматического неологизма, в котором соединяются грамматическая форма как и лексическое значение где. Таким образом, здесь находит выражение сложная «многослойная» метафорика смысла и необычная образность поэтической формы.

Оба причастия легко образуют в скандинавских языках композиты, первый компонент которых представлен именной основой, чаще всего существительного⁶: *tidsödande efterforskningar* ‘отнимающие время розыски’; при этом они утрачивают связь с глаголом и адъективируются [Thorell 1973: 147]. Композиты с причастием 1, главным образом поэтические неологизмы, встречаются в стихах Транстремера:

ett frisörsaxklippande ljud ‘звук стригущих парикмахерских ножниц’; *de hjälpsökande fingrarna* ‘ищущие помощи пальцы’⁷; *den solskyddande piazzan* (Romanska bågar) ‘кипящая солнцем пьяцца’ (Римские своды, пер. А. Прокопьева); *bortom de blyskimrande vattnen* (Nattboksblad) ‘за свинцовым мерцанием вод’ (Страница из книги ночи, пер. А. Афиногеновой).

Атрибутивное употребление при существительных с семантикой лица, усиливающих процессуальную соотнесенность с исходным глаголом, встречается нечасто [Чекалина 1993, 382–383; SAG 2: 612]. Примеры такого рода у Транстремера редки и почти лишены метафорической образности, например: *den rökande morianen* (Inomhuset är oändligt) ‘курящий мавр’.

Встречаются и другие случаи, когда в располагающей к адъективации функции препозитивного определения причастие 1 имеет про-

⁶ Аналогичные образования имеются и в других языках; ср. рус. болеутоляющий, душераздирающий, огнедышащий, рукоплещущий, праздношатающийся. В скандинавских языках они особенно продуктивны и часто встречаются в художественной речи. В большинстве случаев они имеют окказиональный характер, и лишь незначительная часть представлена в словарях; см. подробнее в [Чекалина 1985 б].

⁷ *De är de hjälpsökande fingrarna på en / som snyftar länge för sig själv i mörkret därnere* (Skiss i oktober) ‘Это пальцы того, кто /давно уже всхлипывал про себя, взывая о помощи’ (Октябрьский набросок, пер. А. Прокопьева).

цессуальную семантику; это проявляется в сохранении предельного значения исходного глагола, что, как подчеркивают шведские авторы, выявляет его глагольную природу [SAG 2: 611]. Так, в причастии 1от предельного глагола *försvinna* ‘исчезать’, имеющем как именное, так и глагольное расширение, особенно проявляется изменчиво-двойственная природа: <...> *styr mot just denna försvinnande prick i landmassan* (Schubertiana) ‘<...> направляется именно в эту исчезающую точку в массе суши’⁸.

В цитированной выше работе О.А. Смирницкой отмечалось, что в составном сказуемом с глаголами бытия, за редкими исключениями, в древнегерманских языках обычно употреблялись причастия 1, образованные от неопределенных, чаще непереходных глаголов [Смирницкая 1977: 81]; данный видовой признак модели способствовал проявлению именных черт в причастии» [Смирницкая 1977: 22]. Такая особенность в целом находит выражение и в современном шведском языке; в функции п р е д и к а т и в а меньше всего заметна процессуальная семантика причастия 1, а его употребление трактуется в SAG как синтаксический признак адъективации. В составном сказуемом с глаголом *vara* употребляется ограниченная группа адъективированных причастий с признаками лексикализации, которые значительно чаще встречаются при неодушевленном смысловом субъекте: *ansträngande* ‘напряженный, утомительный’; *dödande* ‘убийственный, смертельный’; *kränkande* ‘оскорбительный, обидный’; *meriterande* ‘повышающий квалификацию, идущий в плюс’, *vädjande* ‘умоляющий’ и некоторые другие⁹. Соотнесенность с актантами процесса при этом ослабляется или полностью нейтрализуется: *Framförandet var bländande* ‘Выступление было блестящим’ (букв. ‘ослепительным’); *Svaret var kränkande* ‘Ответ был оскорбительным’; *Johans sätt var avvikande* ‘Поведение Юхана было странным (букв. ‘отклоняющимся от нормы’) [SAG 2: 613]. В предикатную синтаксическую рамку могут помещаться компоненты с семантикой степени качества: *Norrut är jordbruket mer framträdande* ‘К северу сельское хозяйство является более значительным’ [SAG 3: 629]; *Ärendet var synnerligen bråskande* ‘Дело было крайне спешным’ [SAG 3: 624]. При грамматическом субъекте-лице причастия 1 в функции предикатива также возможны, но значительно менее употребительны: *Min chef är krävande* ‘Мой шеф требовательный’ [SAG 2: 612; 3: 620, 632].

Авторы SAG отмечают, что предикаты состояния с *vara* и причастием 1 обозначают большую временную протяженность, чем финит-

⁸ <...> точнехонько направляясь / в эту, исчезающую на обширных пространствах земли, точку (Шубертиана, пер. А. Прокопьева).

⁹ Переводы шведских лексем здесь и далее даются по [NRO: 2006].

ные формы исходного глагола¹⁰ (что не всегда удастся передать при переводе на русский язык): *Vinden är avtagande* 'Ветер (постепенно) стихает' (букв. 'стихающий'); *Situationen är oroande* 'Ситуация тревожная' (букв. 'беспокоящая') [SAG 2: 584]. Ср. отмеченную на древнегерманском материале особенность данной модели выражать «процесс, имеющий неограниченную длительность, занимающий всю временную ось» [Смирницкая 1977: 21].

У Транстремера причастие 1 встречается в этой функции редко, что, возможно, объясняется лексико-семантической «ограниченностью» и стилистической «шаблонностью» синтаксической модели, исключающей игру смыслов и метафорическую образность, свойственную его поэтическому языку. Показательно, что в двух встретившихся в исследованном материале случаях оно употреблено в сравнительных оборотах, что указывает на адъективацию:

I lyktiken är vägens is / glänsande som ister (Vinterns formler)
'В свете фонаря лед на дороге / блестящий, как смалец'; *näktergalens röst <...> är lika genomträngande / som en tupps galande* (Postludium)
'голос соловья <...> такой же пронзительный (букв. 'пронизывающий'), / как крик петуха'.

Глагольная природа причастия 1 ярко проявляется в функции распространенного постпозитивного определения и я, когда связь процессуального признака с денотатом именного слова становится более свободной, а вместе с тем и более динамичной¹¹: *Han hade köpt en hemlig låda tydligen innehållande det vanliga småkrafset* 'Он купил потайной ящик, в котором, по-видимому, хранились (букв. 'содержащий') обычные мелкие безделушки' [SAG 3: 620].

Процессуальная соотнесенность причастия с исходным глаголом особенно усиливается при употреблении с поствербом¹²: *båtarna körande för fullt och saktande av medan de tog ombord* (Jansson) 'катера,

¹⁰ Det adjektiviska participet tenderar att beteckna mera stabila tillstånd som har en tendens att uppfattas gälla längre tidrymd än motsvarande finita verb [SAG 2: 584] – «Адъективированное причастие имеет тенденцию обозначать более стабильные состояния, которые проявляют тенденцию восприниматься относящимися к более длительному временному пространству, чем финитные глаголы».

¹¹ Признак, выраженный причастием, воспринимается как глагольный временный признак, и его связь с определяемым существительным является более живой, чем обычная атрибутивная связь, и в этом смысле в ней есть какой-то предикативный оттенок. Связь постпозитивного определения с существительным ближе к предикативной связи, чем связь с существительным определения препозитивного [Смирницкий 2007: 246].

¹² Presensparticip kan konstrueras med partikeladverbial (som motsvarande verb) när de har verbal betydelse och står predikativt [SAG 3: 629] – «Причастия настоящего времени могут сочетаться с глагольными частицами (как соответ-

мчавшиеся на полной скорости и замедлявшие ход, принимая на борт пассажиров’.

С зависимыми компонентами глагольного типа такое словосочетание может приобретать характер обособленного синтаксического оборота: *Eriks far, kisande upp mot solen under den neddragan vita sommarhatten* (Giron) ‘отец Эрика, прищурившись смотревший на солнце из-под низко надвинутой белой летней шляпы’.

В этой функции причастия с зависимыми компонентами глагольного типа, часто используемые в художественной речи, служат для создания эффекта «замедленного действия»: *fåglar hjälplöst fallande med halvt utslagna vingar* (Lundkvist) ‘птицы, беспомощно падающие с полураскрытыми крыльями’. В стихах Транстремера их употребление носит разнообразный характер.

В зависимости от синтаксической структуры, а вместе с тем ритмики и глубинного смысла, распространенные обстоятельственными компонентами причастия могут плотно примыкать к определяемому слову:

Utanför byn går vägen länge mellan skogens träd. / Och träden träden tigande i endräkt med varann (Nocturne) ‘За селом дорога долго идет меж деревьев в лесу. / И – деревья деревья молчащие душа в душу’ (Ноктюрн, пер. А. Прокопьева); *ned genom schakt av grönfuktiga åldrar skälvande under solturbinen* (Preludium) ‘вниз сквозь шахту зелено-влажных веков, сотрясающихся под турбиной солнца’; *mörka skrov flytande mellan två slussportar* (Djupt i Europa) ‘темные остовы, плывущие между двух ворот шлюза’; *min förseglade sanning / just nu svävande över havet* (Air mail) ‘моя запечатанная истина / именно сейчас парящая над морем’ (пер. А. Прокопьева); *en vålskräddad ung man med ett leende stramande / som en munkavle* ‘крепко сшитый молодой человек с улыбкой, натянутой на / лицо, как кляп’ (Медуница, пер. А. Прокопьева).

Двойственность синтаксического поведения причастия 1 может выражаться в поэтическом тексте Транстремера максимально развернутой структурой словосочетания глагольного типа и при плотном контакте с определяемым словом без ритмической паузы. Это проявляется в редком для синтаксической дистрибуции неизменяемого причастия 1 в целом (и невозможном для согласуемого причастия 2) употреблении с объектной формой возвратного местоимения *sig*:

jag ser okända bilder / och tecken klottrande sig själva bakom ögonlocken / på mörkrets vägg (Nocturne) ‘вижу знакомые картины / и знаки, которые рисуют сами себя внутри век / на стене мрака’ (Ноктюрн, пер. А. Прокопьева).

ствующие глаголы), когда они имеют вербальное значение и употребляются предикативно».

Реже они отделяются смысловой паузой, которая маркируется постановкой запятой:

bergstrakter, hukande i grå fjäderskrud (Skepparhistoria) ‘горные края, присевшие на корточки в птичьем оперении’; *en fågel, väckande de sovande med sina rop* (Epilog) ‘птица, будящая спящих своими криками’; *valv, gapande bakom valv* (Romanska bågar) ‘своды, разевающие пасть за сводами’.

Обособление наблюдается в тех случаях, когда словосочетание с причастием 1 отделено от определяемого именного слова не входящими в его состав компонентами:

den långa melodin är sig själv i alla förvandlingar, / ibland glittrande och vek, ibland skrovlig / och stark (Schubertiana) ‘долгая мелодия, во всех превращениях остающаяся / сама собой, то мерцающая и слабая, то грубая и сильная’ (Шубертиана, пер. А. Афиногеновой);

långa timmar med vågor som bleka lodjur, fåfångt sökande fäste i strandgruset (Skepparhistoria) ‘долгие часы с волнами, подобными бледным рысам, тщетно ищущим твердую опору в прибрежной гальке’.

Здесь используется своеобразная «синтаксическая игра», построенная на том, что постпозитивный причастный оборот относится к обоим включенным в сравнительный оборот словам – *vågor* и *lodjur*.

В поэтическом тексте Транстремера можно найти и другие проявления «синтаксической игры», к которой предрасполагает, с одной стороны, свободный и динамичный характер синтаксической связи, а с другой – морфологическая неизменяемость самого причастия:

långt borta ljuspunkter i en stad, flimrande kallt vid synranden (Spår) ‘вдалеке точки света в городе, холодно мерцающие / мерцающем у горизонта’.

Здесь структура определяемого именного компонента создает двойную синтаксическую зависимость обособленного причастного оборота – от существительного во множественном числе *ljuspunkter* и относящегося к нему существительного *en stad* с предлогом.

С предикатом, выраженным глаголом положения в пространстве, при инверсии возникает неопределенность синтаксической функции причастия 1, которое позиционно может трактоваться и как предикативное, и как приименное постпозитивное определение:

därinne står ett helgon av trä / leende, hjälplös, som om man tagit ifrån honom glasögonen (Decemberkväll-72) ‘внутри стоит деревянный святой / улыбающийся, беспомощный, словно с него сняли очки’ (Декабрьский вечер-72, пер. А. Афиногеновой).

Двойственность снимается у Транстремера семантическим согласованием существительного среднего рода *ett helgon* ‘святой’ по

общему роду с прилагательным *hjälplos*, которое, как и неизменяемое причастие 1, является позитивным определением.

При обозначении сопутствующего основному «фоновому» процесса в функции предикативного определения синтаксическая неоднозначность проявляется еще сильнее. Выделяется два основных типа употреблений причастия 1 –

а) нераспространенное, плотно примыкающее к предикату и тесно связанное с ним семантически и синтаксически;

б) распространенное компонентами глагольного типа – как обособленное, так и необособленное.

В первом случае функция неизменяемого причастия 1 близка адвербиальной, что особенно заметно при употреблении финитного глагола с поствербом, когда оно включено в синтаксическую рамку предиката¹³: *Hon kom gråtande in (Giron)* ‘Она вошла, плача’. При употреблении причастий от глаголов, требующих обязательного информативного восполнения прямым или косвенным объектом, процессуальная семантика нейтрализуется: *Hon stirrade frågande in mot sin framtid* ‘Она вопрошающе заглядывала в свое будущее’ (Höijer). В отдельных случаях образованная по модели причастия 1 лексема полностью переходит в разряд наречий: *Fadern sträcker överraskande ut sin hand* ‘Отец неожиданно протягивает свою руку’ (Evander). Адвербиализация особенно заметна при употреблении с интенсификацией: *Hon svarade litet undvikande*. ‘Она ответила немного уклончиво’ (Fogelström). Параллельное употребление с наречными обстоятельствами образа действия также способствует адвербиализации: *Han ropade kort och ekande*. ‘Он крикнул отрывисто и гулко’ (Högberg); *Han andades fort och pipande*. ‘Он дышал быстро и со свистом’ (Lindgren).

В распространенных компонентами глагольного типа словосочетаниях, напротив, в полной мере реализуется процессуальная семантика причастий: *Porträttet glodde på mig lika håfullt småleende som alltid* ‘Портрет глазел на меня, так же издевательски улыбаясь, как и всегда; *Hon gick omkring på stan sedan flera år dragande på en barnvagn* [SAG 3:620] ‘Она уже несколько лет бродила по городу, волоча детскую коляску’. Здесь особенно интересно, что видо-временное значение причастия 1 «усилено» аспектуально значимым употреблением не прямого, а косвенного объекта с предлогом *på*, подчеркивающим семантику неограниченной длительности процесса.

Глагольная природа причастия 1 максимально реализуется при употреблении с поствербом: *Där sitter han nu arbetande om sin avhandling för fjärde gången* [SAG 3:620] ‘Там сидит он теперь, пере-

¹³ О синтагматике синтаксической глагольной группы с поствербами в шведском языке см. в [Никуличева 2000].

рабатывая свою диссертацию в четвертый раз'. Связь предикативного определения с финитным глаголом положения в пространстве является более тесной, но наличие зависимых компонентов глагольного типа не позволяет причастию войти в состав аналитической видовой конструкции.

При обособлении синтаксическая связь с основным составом предложения ослабляется: *Mitt i alltihop gjorde dramatikern Tennessee Williams entré, ledande en vovve i koppel vid namn Sofia* 'Среди всего этого явился драматург Теннесси Уильямс, ведущий на поводке собачку по имени София'; *Johan arbetade vidare, trött och längtande efter nästa rast* 'Юхан продолжал работать, усталый и с нетерпением ожидавший следующего перерыва' [SAG 3: 623–624]. Причастие с зависимыми словами приобретает относительную свободу и самостоятельность, а вместе с тем и функцию синтаксического оборота, близкую полупредикативной¹⁴. Одним из проявлений этого является способность включать в словосочетание придаточную часть: *Han satt alltid bakom fönstret och rökte, iakttagande oss när vi gick förbi hem från skolan om eftermiddagarna* [SAG 3: 620]. 'Он всегда сидел у окна и курил, наблюдая за нами, когда мы проходили мимо дома после школы во второй половине дня'.

В поэтических текстах Транстремера предикативное определение встречается в различных типах лексико-синтаксического контекста. Когда причастие 1 не имеет распространяющих компонентов глагольного типа, его функция определяется достаточно четко:

Den svarta flygeln <...> stod darrande mitt i sitt nät av musik (Bala-kirevs dröm) 'Черный рояль стоял дрожа(щий) в собственной сети из музыки'; *Solen fanns högt över isen flygande på stället både varm / och kall* (Dagsmeja) 'Солнце находилось высоко надо льдом, летя(щее) на месте и горячее, / и холодное'; *Sedan lyfte den och flög småsvärande över huset / långt bort i väster* (Göken) 'Потом взмыла она вверх и полетела над домом, поругиваясь, / далеко на запад' (Кукушка, пер. А. Афиногеновой).

¹⁴ Всякое причастие является как бы неразвернутым придаточным предложением. ... Причастие имеет как бы оттенок побочной предикативности [Смирницкий 2007: 246]. Ср. также: *Participfraser har större benägenhet än adjektivfraser att fungera som fria predikativ med en kommunikativ funktion som erinrar om bisatser: Tydligtvis ännu funderande på beslutet sitter han inne på sitt rum sedan i morse* [SAG 3: 632] – «Словосочетания с причастиями проявляют большую склонность, чем с прилагательными, употребляться в обособленном предикативном обороте с коммуникативной функцией, которая имеет сходство с придаточными: Очевидно, всё еще размышляя о конце, он с утра сидит в своей комнате».

Как и всюду, поэтический текст Транстремера насыщен метафорой и средствами звукоизобразительности, с избытком использующими аллитерацию:

Planeten vred mig mullrande (Nattlig resa) 'Планета вращала меня, грохоча'; *Modersköldpaddan flyr flygande under vattnet* (Osäkerhetens rike) 'Черепашка-мать спасается бегством под водой'.

В последнем примере значение 'спасаться бегством' выражено глаголом *fly*, но поэт дополняет его причастием 1 от глагола *flyga* 'летать', добиваясь этим эффекта аллитерации и плавности ритма замедленного движения.

Плотному контакту с предикатом способствует включение причастия в предикатную рамку с поствербом:

Havet rullar dånande fram och frustar skum över stranden (Ostinato) 'Море накатывает с гулом (букв. гудя) и фыркает пеной на берег'; *Lågan drar till sig skuggorna, de flyger knasrande in och / förenas med lågan* (Guldstekel) 'Огонь (букв. пламя) притягивает тени, что потрескивая влетают внутрь и / сливаются с пламенем' (Медуница, пер. А. Прокопьева).

При обратном словопорядке возникает синтаксическая неоднозначность, поскольку инверсия вызывает постановку словосочетания с причастием в постпозицию к грамматическому субъекту в реме. Поэтому разграничить функции постпозитивного приименного и предикативного определения становится невозможно:

I dalen / flyger ögonblickets förvirrade / handlingar skränande från / trädtopp till trädtopp (Stenarna) 'В долине / перелетают сбитые с толку сиюминутные / поступки крича с / одной верхушки дерева на другую'; *Då stiger / med ens den vita röken svindlande / från byarna* (Epilog) 'Тогда поднимается / сразу белый дым головокружительно / от деревень'.

Распространенные причастия обособляются у Транстремера реже, что, возможно, связано с особой стилистикой и ритмикой его стиха и всегда обусловлено осложненной синтаксической структурой. Так, в примере ниже предикативное определение относится к инфинитиву в составе сложного предиката с каузативной семантикой:

En storm får kvarnens vingar att vilt gå runt / i nattens mörker, malande intet (Upprörd meditation) 'Шторм заставляет крылья мельницы неистово вращаться / во тьме ночи, перемалывая ничто'.

При обособлении нередко возникает синтаксическая неоднозначность, не позволяющая разграничить приименное и предикативное определение:

Vid himmelträdet rötter bökar havet, / förstrött och liksom lyssnande till något (Epilog) 'У корней небесного древа подкапывается море, / рассеянно и будто прислушиваясь к чему-то'.

«Синтаксической игре» функций здесь способствует не только инверсия, но и средний род существительного *ett hav*, при котором показатели согласования атрибутивных слов (какое) и качественных наречий (как) совпадают.

Синтаксическое обособление необходимо, когда распространенное причастие вынесено в конечную позицию и максимально удалено от основного состава предложения:

Men ovanjord / står – i tropisk flöde – grönskan, med / lyftade armar, lyssnande / till rytmen från ett osynligt pumpverk (Preludium) ‘А на поверхности земли / стоит – в тропическом изобилии – зелень, с / поднятыми руками, прислушиваясь / к ритму невидимого насоса’.

Словосочетание с причастием 1 приобретает здесь более самостоятельный характер в целом не свойственного шведскому языку абсолютного синтаксического оборота; этому способствует отделяющий его от субъектно-предикатной части адвербиальный оборот с предлогом *med* и именным компонентом с причастием 2.

В поэтических текстах Транстремера многоликость причастия 1 особенно проявляется при синтаксической компрессии в неполных высказываниях с экзистенциально-локативной семантикой. В их состав входят синтаксически самостоятельные словосочетания, выделенные останавливающей мгновенное впечатление ритмико-смысловой паузой, которая фиксируется постановкой особых знаков препинания – двоеточия или тире.

Där uppe i rymden: / travande tyst, gnistrande och svart, / osedd och obunden, / med rytaren avkastad: / en ny stjärnbild som jag kallar "Hästen" (Caprichos) ‘Там наверху в космосе: / рысью бегущее тихо, сверкающее и черное, / невидимое и невзнузданное, / со сброшенным седоком: / новое созвездие, которое я называю «Лошадь»’.

Здесь экзистенциальная семантика выражена инициальной позицией локатива – темы высказывания; грамматический субъект с придаточным относительным вынесен в рематическую финальную часть. Между двумя паузами-двоеточиями помещаются «насыщенные» причастиями словосочетания, синтаксически связывающие локатив с грамматическим субъектом. Они включают два причастия 1 и два причастия 2 с отрицательной приставкой *o-*, а также адвербиальный оборот с предлогом *med* и существительным с причастием 2 в постпозиции. Синтаксические функции ближайших к локативу причастий 1 различны: первое является предикативным определением с обстоятельственной семантикой (как), а второе обособленным определением в препозиции к грамматическому субъекту (какой).

*Och ekande i tiden – som i Lasarus' kista – / den innelåsta evighetens
bultande nävar (Siesta)*

‘И отдавая эхом во времени – как в гробнице Лазаря – / стучащие
кулаки запертой внутри вечности’.

Здесь в инициальную позицию темы помещено причастие 1с близкой предикативному определению функцией, распространенное сочетанием с предлогом *i*, имеющим локативно- темпоральную семантику. Локативное значение усиливается в сравнительном обороте с тем же предлогом между двумя тире, объединяющем тему и рему – грамматическим субъект в именном словосочетании с групповым генитивом и причастием 1в функции препозитивного определения.

Остается еще многое, о чем хотелось бы написать, – о других произведениях Транстремера, в том числе его стихах в форме хокку и прозе, о лингвистических и стиховедческих аспектах его русских переводов, сделанных разными авторами, о функциональных аспектах употребления других форм и конструкций. Любое из таких исследований наверняка обнаружит еще много существенного и необычного в его поэтической грамматике. Внимание к самой малой детали в языке и не лежащим на поверхности нюансам формы и смысла расширяет пределы исследования и открывает новые глубинные пласты стихотворного текста.

СОКРАЩЕНИЯ

NRO – Norstedts ryska ordbok. Rysk-svensk. Svensk-rysk. Första upplagan, första tryckningen. Projektledare och huvudredaktör Ulla Birgegård. Huvudredaktör Elisabeth Marklund Sharapova. Stockholm: Norstedts Akademiska Förlag, 2006.

SAG – Teleman U., Hellberg S., Andersson E. Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Band 3. Fraser. Stockholm: Norstedts Akademiska Forlag, 1999.

ЛИТЕРАТУРА

Грацианова 2018 – *Грацианова М.И.* Лексико-синтаксические особенности поэзии Тумаса Транстремера и способы их перевода на русский язык. М., 2018.

Никуличева 2000 – *Никуличева Д.Б.* Синтагматические отношения в континентальных скандинавских языках. Контрастивный анализ. М., С.-Пб., 2000.

Смирницкая 1977 – *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.

Смирницкая 1994 – *Смирницкая О.А.* Стих и язык древнегерманской поэзии. Т. 1–2. М., 1994.

- Смирницкий 2007 – *Смирницкий А.И.* Синтаксис английского языка. / Под ред. В.В. Пассека. Предисловие О.А. Смирницкой. Изд. 2-е, испр. М, 2007 (1957).
- Транстремер 2002– *Транстремер Тумас.* Избранное: Стихотворения. / Пер. с швед. А. Афиногеновой и А. Прокопьева. М., 2002.
- Чекалина 1985 а – *Чекалина Е.М.* Грамматический статус причастий в современном шведском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1985. № 1.
- Чекалина 1985 б – *Чекалина Е.М.* Сложные слова с именной основой и причастием 1 в современных шведском и датском языках // Теория перевода и сопоставительный анализ языков. – Под ред. Э.М. Медниковой. М., 1985.
- Чекалина 1993 – *Чекалина Е.М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола. Докт. дисс. М., 1993.
- Teleman 1999 – *Teleman U., Hellberg S., Andersson E.* Svenska Akademiens grammatik. Band 2. Ord. Band 3. Fraser. Stockholm: Norstedts Akademiska Forlag, 1999.
- Thorell 1973 – *Thorell O.* Svensk grammatik. Stockholm: Esselte Studium, 1973.

E.M. Chekalina

Moscow. Lomonosov Moscow State University

SUMMARY

A Grammar of the Swedish Verb and Poetics by Tomas Tranströmer (the semantics and syntactic functions of participle 1)

The article discusses special features in the semantics and use of participle 1 in vers libre poetry written by the outstanding Swedish poet of modern times Tomas Tranströmer (1931–2015). The high frequency of this form is determined by the sonority of the morphological marker which contains a consonant cluster of voiced dentals *nd* used in alliteration. An analysis of its use in various types of lexical-syntactic context shows that the dual verbal-nominal nature of the inflexible participle 1 contributes to the creation of metaphoric imagery. The freer the syntactic function of the participles, the more vivid their grammatical ambiguousness and poetic potential.

Key words: poetical grammar, Swedish, the semantics and syntax of participle 1.